

Автор: Лукьянов О. (Россия)

Современная психология, кроме того, что изучает различные человеческие недомогания, открывает многомерность жизненного мира и живого времени. Как долго и как интенсивно мы живем? Пока живет наше физическое тело? Пока живы плоды наших трудов? Пока живы люди, о нас помнящие? Пока живы наши слова в умах людей? Пока жив язык, на котором мы говорили, и мир, в котором жили и называли вещи нашими именами?

Различны меры человеческой жизни, и каждый человек сам выбирает: чем ему мерить свою работу, свой досуг, свое детство, юность, старость. Некоторые люди выбирают возможность мерить свою жизнь какими-нибудь понятными вещами: деньгами, домами, машинами, числами и символами. Но есть странные авантюристы, решающиеся мерить свою жизнь непостижимой тайной жизни Других, свое время утверждать временем Других. Этот путь и это путешествие очень рискованны. Много неприятного и неудобного в таких людях, им самим тоже трудно не только работать, но трудно просто жить. Жизнь такие люди видят в душевном труде.

Сегодня распространено мнение, что трудная жизнь — это глупость и вина самого человека, а на самом деле надо любить жизнь и наслаждаться возможностями потребления, зарабатывать деньги на отдых. Считается, что жить надо легко, а если где-то появляется затруднение, то надо применить некую эффективную технику и это затруднение устранить. Техники устранения затруднений становятся настолько изощренными, что именно с их лицом, лицом технологии, машины, процедуры, человек привыкает иметь дело, а не с лицом человека, собеседника. Не важно, какая начинка в моем компьютере и как написана программа, главное, что есть дружественный интерфейс и можно пользоваться. Люди заняты созданием интерфейсов. Не сильно распространяясь о том, что в этом плохого, заметим, что плохого в этом много. Есть только один способ устоять перед искушением устроить свою жизнь в порядке, предлагаемом комфортным дружественным интерфейсом виртуальной реальности (виртуальная — судя по слову «живая» реальность, есть ли более наглая ложь о реальности?) — выключить питание компьютера.

В чем миссия психолога, педагога, экзистенциального терапевта? Сделать очевидным время жизни, экзистенции. Выключить поток образов виртуальной реальности, будь то во вне или внутри человека, и освободить время для экзистенциального события, для решения быть.

В каком возрасте это решение стоит дороже всего? Сколько бы ни было человеку лет, но это решение дороже в его юности и подростковости. Решая быть самим собой, даже старик — отрок. Много взрослых «работает» с подростками, но их всегда мало и всегда больше тех, кто не помогает, а путает, смущает и вредит.

История знает взрослых, вставших на сторону детей. Они были очень разными

людьми. Я. Корчак, С. Макаренко, С. Шпильрейн, М. Монтесори. Они решались иметь дело с детьми физически больными, умственно отсталыми, социально ограниченными, преступно настроенными. Они не витали в иллюзиях и не боялись реальности. Их судьбе не завидуют, но слова их помнят.

Надо ли вставать на сторону здоровых подростков, когда они конфронтуют со своим жизненным миром? Да, надо. Но как и до каких пор? От встречи до обреченности, от времени возможностей до срока необходимости, от речи до памяти, от уважения до ответственности.

Организовать пространство, где подростки могут психологически расти, учиться мужеству быть — важная работа; осуществлять изо дня в день и из года в год мероприятия, формирующие время юности для многих «чужих» детей — тоже очень важное и непростое дело, но написать про это еще и книгу могут очень немногие, и не многим это нужно. Но именно это, нужное только некоторым, со временем часто становится интересным и важным для всех.

Ученикам Татьяны Карпунькиной повезло, у них есть слова взрослого, который был с ними, сказанные вслух, раз и навсегда.

Есть ли еще какая-нибудь ценность у этой книги, кроме ценности для непосредственных участников? Думаю, что есть. О. Розеншток-Хюсси писал, что наши болезни — это болезни языка. Исчезновение своевременно сказанных слов исповеди, покаяния, приказания, наказания, прощения, жертвы, молитвы превращают время нашей жизни в хаос — самую мертвую форму жизни и сознания.

Книгу Татьяны Карпунькиной можно отнести к жанру экзистенциальной терапевтической литературы. Где-то в историческом периоде между рассказами А.П. Чехова и поэмой Венедикта Ерофеева. Эта книга не из будущего, она из прошлого, но, читая ее, живешь здесь и сейчас и вдохновляешься надеждами на грядущее. Это — не постмодернизм и не инновация, это реализм и традиционизм, но, встречаясь с этими словами, ощущаешь свою субъективность остро и отчетливо. Это — искусство, преодоление естественной жизни сверхъестественным человеческим усилием, но и наука — осознание законов естества в терминах человеческого языка и человеческой ответственности. Это и воплощение зарождающейся в нашем сотрудничестве концепции экзистенциальной социотерапии — концепции, опирающейся на принцип постоянного обновления более живой формы жизни в менее живой жизненной форме; обновления большего в меньшем и понимания меньшего в терминах большего; обновления целого в частностях и понимания частного в терминах целого; обновления культуры в личности и понимания личности в терминах культуры; обновления жизни в решениях и понимания решений в терминах жизни, современности и своевременности как метода и предмета.

Мне довелось участвовать в некоторых событиях, ставших основанием для написания книги, я узнаю некоторых героев. Я видел тогда ситуацию иначе, мои собственные чувства были для меня важнее и ярче. Книга позволяет увидеть и понять то, что я не увидел тогда, когда был там. Если я тогда не увидел, тогда не понял, тогда

был не готов, то я никогда не пойму и не увижу. Ведь жизнь необратима. Но искусство делает обыкновенное чудо: читая, я могу понять то, что когда-то безвозвратно потерял, не выбрал, не заметил. Книга действительно умножает благополучие жизни. Не развлекает и не утешает, а на самом деле возвращает время бытия и силу жизни. Это не лечение и не обучение, это — подарок. Подарок дорог тому, кто дарит, а не тому, кто получает. Получивший подарок встает перед вопросом: что ему делать с этим дальше? Можно его отложить в сторону или попытаться как-то приспособить к делу. Я решаю читать эту книгу медленно.

Хочется сказать несколько слов о научном смысле такого, казалось бы, совершенно не имеющего отношения к науке труда. Татьяна Николаевна в своей работе имеет дело не с отдельными частями или аспектами психики или социальной работы, а с целостной жизнью подростков, осознавая при этом свою ограниченность и кратковременность пребывания вместе. О новой методологии, приложимой к вопросам становления человеческого в человеке, на рубеже тысячелетий писали многие ученые. Их надежды заключаются в интуитивном понимании целостности и общности становления, развития и существования. Базовым основанием наук, построенных на новых методологических принципах заявляется «человек — речь — история — мыслящий мир».

Один из великих диалогистов конца предыдущего века О. Розеншток-Хюсси предложил речевой метод в качестве методологии гуманитарных наук. Как и М. Бахтин, он считал, что человек становится собственно человеком и самим собой только в ответ на обращенную к нему речь других. «О. Розеншток-Хюсси, как и М. Бахтин, увидели в языке, в ситуации общения фундаментальный феномен бытия. Общение, приобщение к бытию-событию возможно только через язык. Язык является не просто средством передачи знаний от поколения поколению, от учителя ученику, от отца сыну, и не только формой мысли, но он и важнейшее, необходимейшее условие осмысленного и совместного существования людей, та постоянная, как бы незримо присутствующая специфическая среда, которая сохраняет и передает совокупный опыт человечества. Благодаря этой своей специфике язык постоянно обновляет человека, делая его надприродным, культурным существом, способным выходить за собственные рамки своего бытия и творить «иные миры» (искусство, религию, науку), в том числе и сообщество людей в их историческом движении, о чем свидетельствует наша память» .

Для того чтобы способствовать становлению человека, необходимо обращаться к нему с такой речью, которая соответствует и человеку и миру. Наука должна формировать «грамматику общественного согласия». Задавать и помогать отвечать на вопрос: как утверждать человеческое в человеке, понимая человека в качестве «Мы» — хронологической, творческой общности, дееспособного общества различных по уровню, форме и содержанию людей, способных при этом говорить на одном человеческом языке. Такой язык, по мнению О. Розенштока-Хюсси, направлен на то, «чтобы заключать мир, оказывать доверие, почитать стариков и делать свободным следующее поколение» .

Грамматический метод показывает, как в хронологической последовательности связаны четыре измерения человеческого бытия (традиционный рационализм

рассматривает каждое из этих измерений изолированно, по одному и отдельно от других). О. Розеншток-Хюсси считает, что в становлении человека взаимодействуют четыре направления речи: повелительное обращение (императивная речь); субъективная речь; повествовательная или «траекторная» речь; объективная, ориентированная на «внешний» мир или мир объектов. Все четыре формы, в принципе, равноправны, но их последовательность и событийность показывают то, что происходит на самом деле. Все проблемы человеческого общества — это болезни языка. Не отданных и не выполненных вовремя приказов, неоткрытых и непринятых переживаний, невысказанных смыслов, невстреченных и неназванных объектов.

Становление человека происходит в некоторой последовательности речевых форм. Это есть время становления. В начале человек опирается на императивы. Требования и приказания, обращенные к нему со стороны других людей, делают его самого уже существующим. Отвечая на обращенные к нему императивы, человек начинает свой путь ответственности. Без желания воспринять, ответить на обращение человек не существует в мире. Ответ на императивную речь, ориентирующую человека в пространстве; ответ, обращенный в том числе и к самому себе, порождает субъективную речь. В дуальных отношениях появляется речевая форма «Мы», и тут оказывается, что человеку есть о чем услышать и рассказать. Повествовательная речь связывает человека с традицией и историей. Объективная речь, звучащая последней, дает возможность понять не только внутренние, субъективные аспекты экзистенции, но и выйти в реальное место и пространство опыта.

Аналитическая речь, обращенная к миру объектов, является завершающей фазой диалогического события, символизирующей собой «смерть Духа», что является условием возрождения и воскресения жизни, творения будущего. Знакомство подростка с правилами и требованиями работы в группе, предоставление ему выбора своего места, обращение к нему как к полностью ответственному, бережное отношение к его внутренним переживаниям и соблюдение «тишины», чтобы не мешать понять самого себя, повествование о случившемся друг другу и, наконец, открытость миру, готовность встретить объективную оценку. Книга свидетельствует о нетрадиционном исследовании, проведенном в рамках наступающей парадигмы гуманитарных наук. Книга Татьяны Николаевны не рассчитана на подтверждение научной квалификации автора, она написана для тех, кто на самом деле был или еще будет в удивительных путешествиях через пустыни безмолвия к городам и берегам человеческого языка. Но с точки зрения новой методологии гуманитарных наук, превращение всех внутренних видов речи в материальный объект — напечатанное и изданное слово представляет собой завершение исследовательского проекта по изучению того, как в современном городе подростки становятся взрослыми, опираясь на собственные силы и собственные интересы. Завершение этого этапа открывает возможность следующего. Примеру первого могут последовать следующие. У ребят, занимающихся с Татьяной Николаевной, теперь есть место, где они могут говорить на человеческом языке. Они теперь могут читать и сами писать о том, что происходит и что должно происходить. Этот жанр может стать для них «дверью», выводящей из замкнутого мирка собственной субъективности в мир становления и творения будущего.

Ф. Розенцвейг, один из друзей О. Розенштока-Хюсси, писал, что человеческий язык состоит из трех первослов: Бог, Мир и Человек, которые звучат в нашей речи в виде разрешающего быть «Да», ограничивающего мир «Нет», объединяющего человеческого «И». Татьяна Николаевна сказала свое человеческое слово, свое «И». Речь, история и работа объединились в одном месте — в книге, создающей для других множество новых мест становления.

Хочется надеяться, что читающий эти страницы достаточно трезв для того, что бы не ждать от прочтения книги чего-то сверхъестественного. Речь — это всего лишь речь. Каждый человек сам должен говорить свои первые слова. Книга позволяет делать это не в пустоте и не в одиночестве. Но тому, кто молчит сам, и книга покажется безмолвной.

Татьяна Николаевна — профессиональный педагог, и предмет ее труда можно назвать онтопедагогикой — педагогикой, имеющей целью «создание условий, в которых оптимально осуществлялось бы становление человеческого в человеке — ценностно смыслового мира человека с его подвижной, открытой в окружающую среду (природную, социальную, культурную) границей, где степень открытости означает степень психологического здоровья всей системы. Такая педагогика предполагает, что учитель не транслирует культуру, не просто поддерживает ученика при взаимодействии с ней. Он организует чрезвычайный по своей значимости акт встречи ребенка с культурой, делая какие-то избранные элементы культуры соответствующими ребенку, т.е. способными вписаться в ценностно-смысловые координаты его жизненного мира, стать личностно значимыми для него, обрести свое место в нем». Только в группах Татьяны Николаевны и сами подростки становятся онтопедагогами, принимая на себя ответственность за организацию чрезвычайной важности актов встречи с культурой и миром. Тексты книги, кроме всего прочего, — акт благодарности подросткам за то, что решились научить взрослых жизни.

Люди, привыкшие иметь дело с техникой и технологиями, могут быть неудовлетворены отсутствием в книге «информации», избытком чувств и субъективных переживаний. Тем не менее, с точки зрения онтопедагогике, и книга, и представленный в ней опыт высокотехнологичны.

«Все возможные педагогические технологии онтопедагогике — это техники человекообразования. Центральным момент в этих техниках — умение соединить значение («живущее» в культуре) с чувственным опытом ребенка, участвуя тем самым в становлении предметного пространства жизни как ближайшего основания его (ребенка) предметного сознания. Умение соединить смыслы (пребывание в культуре в своей идеальной, надличностной форме) с предметным пространством человека, превращая тем самым предметный мир в реальность, в которой можно действовать, понимая смысл своих действий и отвечая за них. Наконец умение соединить эту реальность с ценностями, «живущими» в культуре в качестве надличностных общечеловеческих ценностей, помогая реальности превратиться в действительность — устойчивый, несмотря на ситуативность смыслов, мир суверенного человека».

И написание, и прочтение книги требует владения техниками онтопедагогике и

одновременно обучает этим техникам. Научный анализ этого «передового педагогического опыта» ждет своего исследователя, и думается, что к нему уже можно приступать, исходя из новой методологии гуманитарных наук.